

Словом, пускай и чувствовалась некоторая неловкость, но в конце концов вся семья из четырёх человек мирно уселась за стол, чтобы вместе отведать пирожных с османтусом.

Ближе к вечеру во дворе накрыли столы, пригласив тех младших соучеников, кто не уехал домой к родным. Собравшись вместе, они любовались полной луной и лакомились юэбинами.

Тётушка Чжоу слово сдержала и дурачить его не стала — среди праздничных лакомств действительно оказалось немало его любимых, с начинкой из яичного желтка. Шаолин наелся так, что едва мог дышать.

Пряники были съедены, да и праздничный ужин кое-как подошёл к концу.

Госпожа Юй, сославшись на усталость после долгого дня, засобиравшись к себе в покои.

Однако Юй Шаолин не собирался отпускать её так легко — у него ещё оставалось неоконченное дело. Он принялся шутить, паясничать и канючить, всеми силами пытаясь удержать матушку:

— Сегодня ведь Середина осени! Я слышал, в народе принято запускать речные фонарики, чтобы призвать благословение небес. Я их уже смастерил! Отец, матушка, пойдёте со мной и Шаоин к реке Юаньцзян, запустим их вместе.

— Глупости какие, — нахмурился Юй Миньчжи. — Речные фонарики — забава смертных. Нам, заклинателям, подобает усердно совершенствоваться, а не растрачивать время на...

Договорить ему не дали — Юй Шаолин тут же жалобно заныл, ища защиты у матери:

— Матушка, посмотри на отца! Он опять на меня ругается!

Юй Миньчжи только онемел.

В конце концов, не устояв перед уговорами любимого сына, госпожа Юй сдалась и мягко улыбнулась. А поскольку Юй Миньчжи во всём потакал супруге, спорить он не стал. Так они вчетвером и спустились к подножию горы.

Внизу бурлила жизнь. Берега реки Юаньцзян заполонила праздничная толпа. По спокойной воде уже плыли сотни зажжённых фонариков. Куда ни глянь — река казалась усыпанной крошечными звёздами, уплывающими вдаль. Картина была завораживающей.

Все четыре фонарика Юй Шаолин смастерил сам. Следуя обычаю, он оставил на них свободное место, чтобы каждый мог написать своё сокровенное желание. Раздав поделки родным, он выжидающе посмотрел на них.

Юй Миньчжи, хоть и ворчал до этого, кисть взял первым. Ровным, каллиграфическим почерком он вывел на бумаге: «Семье — здоровья и покоя».

Юй Шаолин, подглядывавший из-за его плеча, не удержался и прыснул.

Отец тут же одарил его суровым взглядом, но молодой человек лишь рассмеялся, поддразнивая его:

— Отец у меня такой начитанный, я думал, ты напишешь какую-нибудь глубокую мудрость из древних трактатов.

— Сам же сказал, что это для благословения, — спокойно ответил Юй Миньчжи. — А благополучие близких — это всё, чего я желаю в жизни.

В груди у Шаолина разлилось приятное тепло. Госпожа Юй взяла кисть следом. Было видно, что её настроение заметно улучшилось. Не таясь от домашних, она мягко произнесла:

— Раз уж супруг попросил о нашем здоровье, я загадаю вот что.

С этими словами она вывела: «Пусть мои дети...»

На этом слове она на мгновение замерла. Она помедлила, а затем неторопливо закончила фразу: «...не знают невзгод».

Под этим «мои дети» она явно имела в виду не только Юй Шаолина, но и Юй Шаои, к которому обычно относилась со столь явным отчуждением.

«Как я и думал, — с облегчением осознал Шаолин. — Матушка сторонится Шаои вовсе не потому, что она жестокая и бессердечная, как описывалось в романе. Должно быть, у неё есть какая-то тайная, непреодолимая причина».

На сердце у него наконец отлегло.

Сам же Юй Шаои, казалось, не верил собственным глазам. Он мертвенно побледнел, он растерянно замер, точно пытаясь убедиться, что всё это ему не снится.

Написав пожелание, госпожа Юй смутилась. Она поспешно отвернула фонарик в сторону, не желая, чтобы домашние разглядывали надпись.

Юй Миньчжи поспешил разрядить обстановку и с мягкой улыбкой заметил:

— Душа моя, ты печёшься лишь о младших. Неужели совсем позабыла о своём муже?

Его слова возымели действие: госпожа Юй тут же переключила всё внимание на него и шутливо пожурела:

— Да в твои ли годы соперничать с собственными детьми за моё внимание?

После этой мягкой перепалки напряжение окончательно рассеялось. Госпожа Юй протянула кисть старшему сыну:

— Ну же, А-Цюэ, твоя очередь.

Юй Шаолин призадумался. Он легонько покусывал кончик рукояти, не зная, что пожелать.

Он посмотрел на Юй Шаоин и натолкнулся на её пристальный, темный взгляд. В её выражении застыло что-то такое, от чего у него на миг перехватило дыхание — это показалось ему смутно знакомым.

Он на секунду растерялся, мысли смешались. Но стоило ему моргнуть, как в голове родилась ясная идея. Обмакнув кисть в чернила, он размашисто начертил на бумаге обыденные слова:

«Пусть каждый год будет похож на этот день».

Едва он закончил, госпожа Юй тепло улыбнулась. Юй Миньчжи же, напротив, придирчиво нахмурился и покачал головой:

— Тебе бы не помешало поупражняться в письме. Твои каракули похожи на следы собачьих лап.

— Каков отец, таков и сын! — не упустил случая съязвить Шаолин.

Такой дерзости строгий и благонравный Юй Миньчжи вынести не мог. Он шутливо отвесил сыну лёгкий щелчок по лбу. Шаолин со смехом отпрянул, уворачиваясь от отцовской руки, отчего госпожа Юй рассмеялась ещё веселее.

Когда веселье утихло, Шаолин, пользуясь моментом, протянул кисть стоявшему рядом молчаливому красавцу:

— Шаоин, теперь ты.

— Что... писать? — тихо спросил он.

— Своё желание, глупышка! Пиши всё, чего твоей душе угодно, не скромничай.

Юноша заметно замялся. Помедлив, он протянул кисть обратно.

Шаолин удивлённо моргнул.

— У Шаои нет желаний, — бесстрастно произнёс он.

— Совсем ничего не хочется?

— Ничего.

Она не выразила ни единой эмоции — всё та же ледяная отстранённость. Она ответила решительно, без малейших колебаний.

Шаолину показалось, будто после этих слов улыбка отца слегка угасла, а матушка вновь неудержимо побледнела.

Не желая, чтобы семейный праздник омрачился внезапной грустью, Шаолин решительно шагнул вперёд и порывисто сжал его ладонь. Шаои вздрогнул от неожиданности.

Не только она — родители тоже с недоумением воззрились на него.

Однако Юй Шаолин лишь заговорщически улыбнулся. Он мягко обхватил её пальцы своими, направляя руку, и бережно, штрих за штрихом, вывел на бумаге фразу, ставшую продолжением его собственной: «И пусть каждый год повторяет этот миг».

Шаои потрясённо смотрел на него, пока он с гордостью разглядывал их совместное творение, написанное всё тем же корявым почерком. Обернувшись, он подарил ему сияющую улыбку:

— Раз уж у тебя нет желаний, одолжи это мне. А когда придумаешь своё, скажи старшему брату — и я непременно исполню его для тебя.

Шаои промолчал. Он поспешно опустил глаза, словно этот искренний свет обжигал его изнутри.

Тем временем Шаолин уже весело зазывал всех пускать фонарики на воду.

Они бережно опустили их в реку Юаньцзян. Проводив глазами плывущие огоньки, которые вскоре слились с бесчисленным множеством других созвездий на воде, они вернулись на берег.

После этого они ещё долго бродили по оживлённому праздничному рынку, покупая безделушки и пробуя уличные лакомства, и вернулись в усадьбу лишь за полночь, уставшие, но довольные.

Этой ночью Юй Шаолину спалось на удивление спокойно и сладко.

Наутро отношение госпожи Юй к младшему сыну оставалось несколько натянутым, но в нём явно наметились перемены — бывшего ледяного неприятия больше не чувствовалось.

Шаолин не без гордости приписал эту победу себе. Пребывая в отличном расположении духа, он за завтраком снова вовсю дурачился, пока матушка наконец не сменила гнев на милость и тепло не рассмеялась.

Семья мирно заканчивала утреннюю трапезу, наслаждаясь редким уютом, когда в зал торопливо вошёл дежурный ученик и доложил о прибытии гостя.

Юй Миньчжи отложил палочки, намереваясь лично встретить визитёра, однако юный адепт добавил:

— Прибывший сообщил, что хочет видеть госпожу.

— Меня? — искренне удивилась госпожа Юй.

Даже Юй Миньчжи нахмурился, в его голосе прозвучали твёрдые, не терпящие возражений нотки:

— Душа моя, я пойду с тобой.

Юй Шаолин почувствовал, как воздух в комнате мгновенно сгустился. Почувяв неладное, он тоже опустил палочки для еды. Шаоли безмолвно последовал его примеру.

Заметив, что дети порываются встать, Юй Миньчжи обернулся и строго наказал:

— Оставайтесь здесь и не смейте выходить.

С этими словами он увёл супругу.

Шаолин изнывал от беспокойства и любопытства. Сердце так и скребли кошки. Шаоли же вёл себя на удивление тихо, а на его лице застыло какое-то странное, почти недовольное выражение.

Шаолин окончательно запутался. Он уже собирался расспросить её, как вдруг в зал вернулся отец. Юй Миньчжи выглядел озадаченным, однако никакой тревоги или гнева он не выказывал.

Шаолин порывисто поднялся навстречу, но Юй Миньчжи опередил его расспросы:

— А-Цюэ, ступай в кабинет. Матушка ждёт тебя там.

— Отец, что стряслось-то? — растерялся Шаолин.

Однако Юй Миньчжи явно не горел желанием пускаться в объяснения.

— Сам всё поймёшь, когда придёшь, — коротко отрезал он.

Делать было нечего — Шаолин послушно пошёл к кабинету.

Матушка заходила туда нечасто, обычно там безраздельно властвовал отец. Однако Юй Миньчжи души не чаял в супруге, и стоило ей заявить о желании уединиться в его святилище, как он без единого писка поспешно навёл там порядок и освободил помещение.

Когда Юй Шаолин переступил порог, госпожа Юй сидела за столом. Рядом с ней, благоговейно прижимая к груди свернутый свиток, стояла её личная служанка Лунцуй. При виде сына матушка просияла предвкушением, словно она готовилась преподнести ему редчайшее сокровище. Она велела служанке развернуть картину.

Юй Шаолин в полном недоумении уставился на тонкий шелковый свиток, с которого на него смотрела прекрасная юная дева. Не понимая, к чему всё это, он услышал взволнованный и полный надежды голос матери:

— Ну как тебе, А-Цюэ? Нравится?

Шаолин едва сдерживал вздох. С какой стати матушка вдруг заразилась от отца этой тоскливой тягой к прекрасному и призвала его оценивать живопись?

Поскольку боги обделили его как талантом ценителя искусств, так и малейшим интересом к нему, он мог лишь выдать дежурный, ни к чему не обязывающий ответ:

— Весьма недурно.

— И что же именно тебе кажется недурным? — тут же допыталась она.

Юй Шаолин лишился дара речи.

Он чувствовал себя совершенно растерянным, но, столкнувшись с сияющим, полным надежды взглядом матери, поспешно сдался. Порывшись в закромах памяти, он выдал несколько шаблонных фраз, дабы сойти за утончённого знатока:

— Мазки кисти уверенные, в линиях чувствуется сила и изящество. А выбор красок поистине великолепен — дева на картине кажется живой, того и гляди сойдёт со свитка.

Матушка закатила глаза и с явным разочарованием вздохнула:

— Какая несусветная чушь. И зачем ты мне всё это вываливаешь?

— А? — опешил Шаолин.

— Кто тебя просил оценивать мастерство художника?

— А на что же мне ещё смотреть?

— Я хочу, чтобы ты оценил саму девушку! Посмотри, хороша ли она собой? Пришлась ли тебе по сердцу?

— Что?! — Шаолин застыл как громом поражённый. Последние слова матушки оглушили его. Потребовалось немало времени, прежде чем он смог выдавить из себя невнятное:

— Матушка, ты... ты намекаешь, чтобы я выбрал себе... ну, это самое?

Конец фразы он пробормотал совсем тихо, густо покраснев. Пусть даже за его плечами были две прожитые жизни, а прежний владелец этого тела слыл знатным повесой, сам Юй Шаолин в душе оставался неопытным юношей. Разговоры о женитьбе вгоняли его в краску.

Однако госпожа Юй решительно кивнула:

— К чему эти недомолвки? Разумеется, я выбираю тебе невесту! Сегодня к нам пожаловала почтенная сваха. Она принесла весть от Школы «Алые врата и расшитые покои». Их Фея Гушэ как раз достигла подходящего возраста, и они не прочь породниться с нашим павильоном. Пусть пока у нас есть лишь её портрет, я уже присмотрелась к ней — чудесная партия. К тому же Фея Гушэ славится своим благородством на весь мир заклинателей, так что плохой она быть не может... Лунцуй, разложи остальные свитки. Пусть молодой господин посмотрит на всех.

Матушка хлопотала с таким жаром, что даже обычно расторопная Лунцуй сбилась с ног,

разворачивая новые картины. Юй Шаолин стоял в сторонке, не зная, как деликатно прервать это буйство свадебных приготовлений. Лишь спустя пару минут он едва слышно пролепетал:

— Да какой из меня муж, я ведь ещё совсем молод. К тому же... моя репутация оставляет желать лучшего. Неужели столь достойная дева согласится пойти за меня?

При этих словах госпожа Юй возмущённо вскинула брови. Она с жаром принялась защищать своего любимца:

— Тебе уже двадцать лет, какой же ты ребёнок! И что не так с твоей репутацией? Все совершают глупости по молодости. Наследники других великих орденов творят бесчинства куда хуже твоих мелких шалостей, так что не наговаривай на себя!

— Неужели бедняжку так прижали в собственной семье, что у неё не осталось выбора? — тихонько проворчал под нос Шаолин.

Это было обычное ворчание, но у матушки оказался на редкость острый слух. Она тут же сделала пару шагов к нему, мягко взяла его за лицо и посмотрела с такой нежностью, словно утешала обиженное дитя:

— Мой А-Цюэ вырос и стал настоящим мужчиной. Ты достоин самой прекрасной девушки в Поднебесной.

Слыша неподдельную гордость в её голосе, Шаолин невольно улыбнулся и шутливо ответил:

— Для каждой матери её дитя — краше всех, но другие люди едва ли разделяют это мнение. К тому же в таких делах я уповаю на судьбу. Когда придёт время, предначертанное случится само собой, незачем так усердствовать.

— Глупости болтаешь, — ласково пожурила его госпожа Юй, но рук не опустила, настойчиво пододвигая к нему свиток за свитком.

Пришлось уступить её напору. Шаолин мельком скользнул взглядом по портретам и едва не ахнул от изумления. В оригинальном романе «Путь бессмертного к уничтожению мира» Фейя Гушэ почти не упоминалась. Хотя её Школа «Алые врата и расшитые покои» считалась довольно крупным орденом на севере, автор уделил им ничтожно мало внимания.

Однако дева на свитке оказалась ослепительно красива — она едва ли уступала его собственному младшему брату.

А ведь Юй Шаоли по канону считался бесспорным первым красавцем Поднебесной! Девушка с портрета уступала ему лишь самую малость и с лёгкостью могла бы претендовать на второе место.

«Надо же, сколько красавиц в этом мире», — восхитился про себя Шаолин. Впрочем, оригинальный протагонист, Ци Фань, до самого конца оставался верен одной лишь Шаои, что выгодно отличало его от большинства похотливых героев подобных романов.

Эта мысль заставила Шаолина проникнуться к Ци Фаню ещё большим уважением.

Пока он предавался размышлениям, матушка с лукавой улыбкой поинтересовалась:

— Ну так что скажешь, А-Цюэ? Хороша ведь?

Под её пытливым взглядом Шаолин смутился. В конце концов, кто не любит созерцать прекрасное? Даже если он не собирался вести эту девушку под венец, просто встретиться с такой красавицей было бы усладой для глаз. Смирившись с этой мыслью, он согласно кивнул.

Госпожа Юй пришла в полнейший восторг.

— У моего А-Цюэ великолепный вкус, весь в меня! — с гордостью провозгласила она. — Мне тоже кажется, что Фея Гушэ — девушка особенная. Сама судьба велит нам породниться.

Шаолин лишь неловко улыбнулся. «Ладно, — подумал он. — От одной встречи вреда не будет. Никто ведь не заставляет меня жениться прямо завтра».

Матушка поболтала с ним ещё немного, после чего наконец отпустила. Но стоило Шаолину вернуться в свои покои, как в дверь негромко постучали. На пороге стояла одинокая фигура Юй Шаои. В его волосах в серебряном лунном свете нежно мерцали нефритовые заколки-цветы, которые он недавно ему подарил.

— Брат, — негромко позвал он.

Его взгляд оставался прежним — отрешённым, напоминающим ледяной нефрит. И всё же в этой отстранённости крылась первозданная чистота горного хрусталя.

При виде его Шаолин не на шутку удивился. С тех пор как его брат вернулся в семью, его отношение к нему колебалось от полного равнодушия до редких вспышек тепла, причём холода всегда было несоизмеримо больше. Чтобы он сам пришёл к нему посреди ночи — такое случалось впервые.

— Уже поздно. Почему ты ещё не спишь? — мягко спросил он.

— Не спится.

Шаолин замялся, лихорадочно соображая, как утешить её. В конце концов, перед ним была его родная кровь. Но в прошлой жизни он вырос круглым сиротой, не зная родительской любви и семейного тепла. Как ухаживать за капризными младшими сёстрами, он понятия не имел. Покопавшись в мыслях, он выдал единственное, что пришло на ум:

— Почему? Постель неудобная?

Шаоли одарил его долгим, нечитаемым взглядом, в котором сквозило явное сомнение в его умственных способностях. Наконец он вздохнул:

— Дело не в постели. Просто не спится. Хотела поговорить с тобой. Или... ты мне не рад?

Шаолин испуганно замахал руками, поспешно открещиваясь от её подозрений:

— Ну что ты, как можно! Проходи, присаживайся. Я выслушаю всё, чем захочешь поделиться.

Однако, переступив порог, Шаоли снова погрузился в молчание. Неловкая пауза затягивалась. Шаолин беспокойно заёрзал на месте, совершенно не понимая, что творится в мыслях у этого загадочного юноши. «Поистине, правы были древние, когда говорили, что женское сердце — глубже океана», — мысленно вздохнул он.

Пока он предавался унылым размышлениям, тишину нарушил её тихий, вкрадчивый голос:

— Я слышала сегодня... матушка собирается подыскать тебе невесту?

<http://bllate.org/book/18172/1749877>